

5. Мы специально остановились на Камо Мабути и Мотоори для того, чтобы подкрепить конкретными примерами наш тезис об особенностях феодальной идеологии в ее лингвистическом преломлении.

Как мы уже указали, буржуазное сознание приносит в область внешней лингвистики новый тезис о связи — родстве языков. Естественно, что этот тезис диктуется всякого рода практическими соображениями. Первый толчок к изучению и сопоставлению языков дает практика: расширение мировых связей, вовлечение в кругооборот мирового рынка все новых народов, поиски колоний и необходимость эксплоатации их — все это настоятельно требует практического освоения языков тех народов, которые входят в орбиту мирового общения; все это настоятельно ведет и к теоретическому осмыслению новых языков. Эту взаимосвязь теории и практики очень убедительно показывает крупнейший африканист Майнгоф (Meinhof) в своем сборнике статей «Изучение современных языков Африки» (*Die moderne Sprachforschung in Afrika*).

«Почти нет никакой необходимости, — пишет он, — пространно разъяснять, почему член какой-либо научной экспедиции, чиновник, торговец, миссионер в заморских колониях, пытается усвоить языки примитивных народов. . . Однако почему изучают примитивные языки? Почему, не довольствуясь известной практической сноровкой, углубляются теоретически в столь далекую и немного странную задачу? Прежде всего, я мог бы обратить внимание на то, что любой практической деятельностью можно заниматься и научиться только на основе основательного теоретического знания. . . В самом деле, ведь недостаточно знать ряд слов. Нужно знать, как эти слова связывать, чтобы получился какой-либо смысл, именно тот самый смысл, который имеют в виду, а не какой-либо другой, который быть может неудобен, непригоден говорящему. Здесь, таким образом, вступает в свои права работа языковеда-теоретика. Он должен сравнить и просмотреть весь материал, собранный практически на месте с тем, чтобы найти желаемые правила. . . Путь, которым идет исследователь, таким образом, следующий: он собирает прежде всего слова и предложения, уясняет простейшие грамматические отношения и сводит их в грамматический очерк с небольшим словарем. Далее следуют большие тексты, которые записываются под диктовку туземцев, и, наконец, составляется полная грамматика и объемистый словарь. Лишь после этого язык впервые становится доступным изучению в самом обычном смысле и, тем самым, решается ближайшая задача языковеда-теоретика. . . Эта работа не является чисто теоретической, она имеет свои корни в практике и увенчивается в конце концов тоже практическим результатом».⁵

Таким образом изучение языка уже в самой элементарной форме теоретического исследования объясняется весьма прозрачно потребностями, запросами колониального чиновника, купца и миссионера — этих трех столпов колониального режима.

Однако Майнгоф не ограничивается только этим. Он идет гораздо дальше. Углубляя свою аргументацию, он в конечном итоге сталкивается с апологетами так называемого романтического направления в языковедении, с «романтиками» от лингвистики, с их предубеждением против бесписьменных языков, с их высокомерным отношением к языкам, не оформленным в оболочку литературной идеологии, с их преклонением и романтическим восторгом перед античными древностями, перед «классическими» языками. Весь свой полемический гнев обрушивает Майнгоф на этих романтиков. Романтизм сделал свое дело, — восклицает он, — романтизм должен уйти, и уйти он должен потому, что перед человечеством встали иные практиче-

⁵ Die moderne Sprachforschung in Afrika. Hamburgäische Vorträge von Karl Meinhof. Berlin, 1910. Статья «Warum studiert man primitive Sprachen?» S. 9—11.